

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
1. Мама за меня вечно переживает	11
2. Питер Пэн	17
3. Что я хочу на пятидесятитие	25
4. Девчонки	33
5. Моё сердце — заколоченный ларёк	43
6. Что, мам? С вами поехать?	49
7. Недуг	59
8. Девочка-варан	65
9. Ричард	73
10. Лыжи	79
11. Знали бы вы, какая у меня крутая мама	85
12. Феминистка	93
13. Будни должны пахнуть колбасой	99
14. Парни летом такие классные	105
15. Нина	111
16. Папа, хомяк и смерть	117
17. Корни	127
18. Поезд	135
19. Пятёрка по жизни	143
20. Справедливость и сноуборды	147
21. Когда взрослые говорят о любви... ..	157
22. Сладости на 7000 крон	165
23. Рождение подростка	175
24. Математика и шоколадное молоко	183
25. Я видела тебя в инсте	189
26. Отдаю даром	197
27. Типовая застройка	205
28. Мусоровоз, девчонки и раннее утро	211
29. Возьми меня на руки	217
30. Я верю	225
31. Мечты	231

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перемены не всегда даются нам легко, иногда даже простая перестановка в комнате кажется переломным моментом.

Пожалуй, как раз с перестановкой и можно сравнить подростковый возраст — как будто кто-то без твоего ведома заявился к тебе в комнату и всё там поменял.

Знакомая детская ни с того ни с сего стала совсем чужой. И вот ты стоишь в дверном проёме, обводишь взглядом свою новую комнату и думаешь: «Это что такое? Что здесь произошло? Куда делись мои игрушки, где все знакомые запахи? А что это за новые чувства? Зачем это всё? Мне ведь и так было здесь уютно».

Но это и правда твоя комната: молодёжная мебель, модные обновки, прокладки, акустические колонки, а на классном новом диване, который стоит на месте старой детской кровати, сидит друг или подруга детства — и тебе кажется, что ты не знаешь этого человека, ведь перемены коснулись не только тебя, и, может, у него уже выросла борода, а у неё — грудь. И вот ты думаешь: «А где мои плюшевые мишки? С каких пор мне есть дело до навороченных колонок? Что вообще такое месячные? Кто этот человек на диване? Что стало с моей комнатой? Кто я?»

Кому-то это время нравится — перемены, новые вызовы, трепет перед неизвестностью, а кому-то разрыв с детством, наоборот, кажется неприятным, болезненным или даже мучительным.

Для одних этот возраст полон открытий, приключений, любви, смеха, переживаний, друзей, вечеринок — да так полон, что

и половины всего этого вполне хватило бы. Другим, наоборот, и того мало.

Кому-то переходный возраст надоедает, ещё толком не начавшись, для них это время отмечено одиночеством, тревогой и страхом, они нередко чувствуют себя уязвимыми и непонятыми.

И всё-таки чаще всего подростковая пора — настоящая гремучая смесь, в которой понемногу намешано как хорошего, так и плохого.

Взрослые обычно называют это «интересным» этапом, но с высоты прожитых лет нам говорить, конечно, куда легче.

Во время работы над этой книгой мне посчастливилось общаться с молодыми людьми, которые как раз проходили через этот важный жизненный этап. Я беседовала с ними в кафе, в парках, на набережных, заходила к ним в комнаты и выслушивала, каково это — быть подростком.

Разумеется, описать все грани юношества мне не удалось, да это и невозможно. Всё-таки я — взрослая и полноправным членом тайного общества юных мне уже никогда не стать. Но я изо всех сил стремилась приблизиться к этому, молодёжь открывала мне свои сердца и делилась прекрасными, уморительными, трогательными и грустными историями о том, как им живётся в их новых комнатах.

В основе некоторых текстов лежат отдельные фразы из наших бесед, в некоторых историях объединены рассказы сразу нескольких подростков, вдохновением для ряда монологов по-

служили чувства, которые старались выразить мои респонденты, а ещё здесь немало прямых цитат.

Каждую из историй можно воплотить в виде театральной постановки, но я сознательно не включала в текст собственные ремарки. Мои собеседники — фантазёры хоть куда — вполне могли бы покреативить самостоятельно, если бы того захотели.

Когда я сама была подростком, в норвежский прокат вышел один немецкий фильм. Вообще-то в оригинале он называется «Мы, дети станции Зоо», но в норвежской адаптации его окрестили «Молодость: жесь как она есть». Сейчас, наверное, режиссёры постарались бы смягчить посыл и придумали нечто вроде «Юность: новый вызов» или «Как повзрослеть и не сойти с ума». Ну или что-то в этом духе.

Но если честно, исходный вариант мне нравится куда больше. Молодость — это и правда жесь.

А как иначе. По сути, это своего рода перерождение. Как знать, может, безобидная петарда обернётся пожаром, а может, прекрасным фейерверком. Гусеница превращается в бабочку, миленький пищащий комочек перьев становится несуразным надломленно сипящим гадким утёнком.

Ну а ребёнок становится подростком.

Спасибо, что пустили меня к себе! С удовольствием зайду снова.

Август 2018,
Линн Скобер

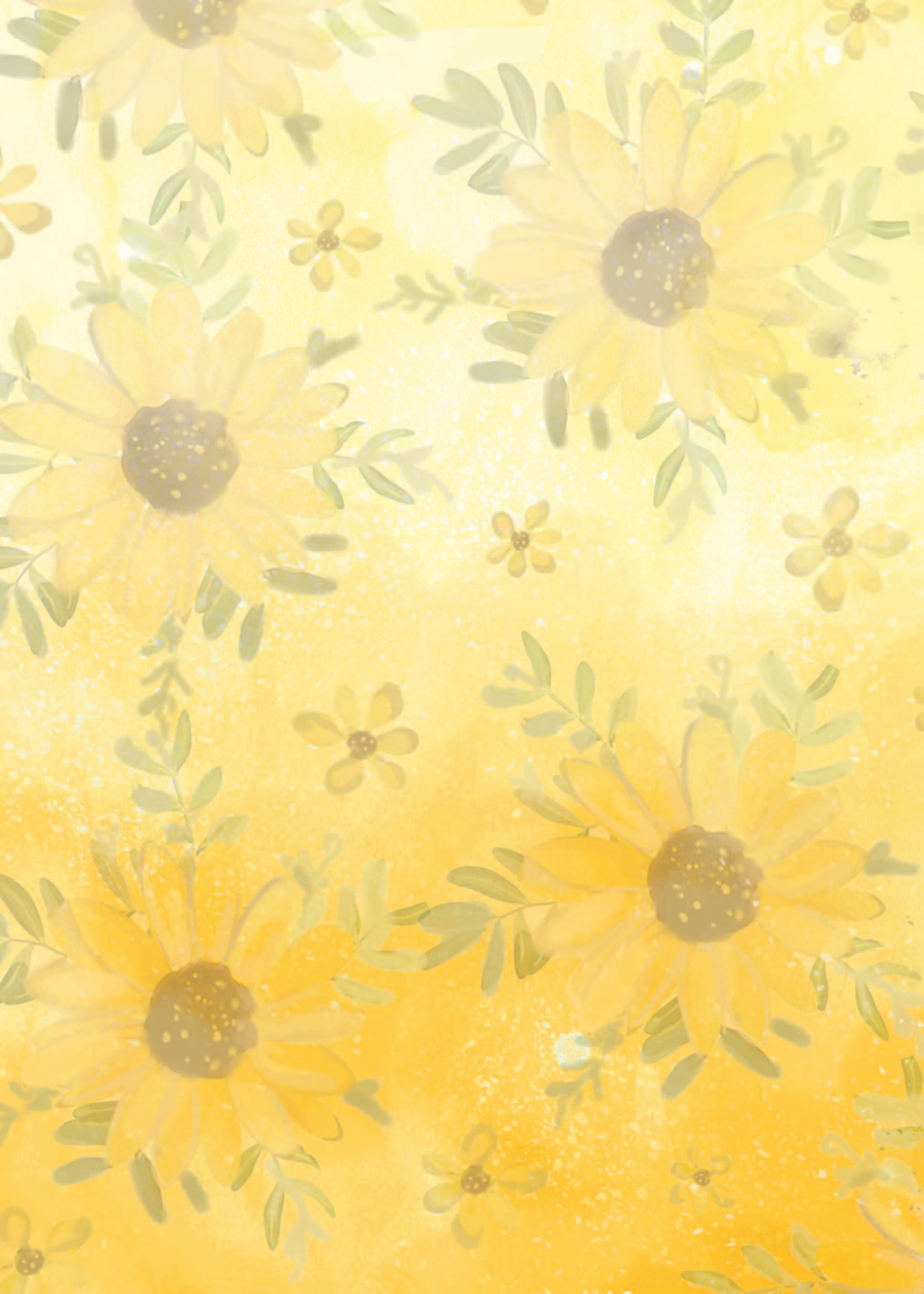
1

МАМА
ЗА МЕНЯ ВЕЧНО
ПЕРЕЖИВАЕТ

Мама за меня вечно переживает.
Вот вам кое-что из её страхов:
спайс;
палёный алкоголь;
гашиш, которым торгуют в районе Грюнерлёкка;
клофелинщики;
взрослые мужики, которые покупают пиво
несовершеннолетним;
амфетамины;
таблетки неизвестного происхождения;
снюс;
порошки, которые можно незаметно подмешать во что угодно;
зачные места в центре;
магазинный джин-тоник;
наркоманы;
пиво;
самогон;
мои друзья, которых она не знает лично;
мелкое воровство;
водка в бутылке из-под воды;
готовая делиться неизвестными веществами золотая молодёжь
или, наоборот, какие-нибудь чёткие пацаны.

В «Фейсбуке» она написала, что собирается
на посиделки к подруге, а сама сидела на кухне
и пила вино из картонной коробки.

Чтобы вы понимали, мы с друзьями в тот вечер были в кино.

2

ПИТЕР ПЭН

Мама говорит, я похож на Питера Пэна. Но это не так. Да, мы с ним тѣзки, меня тоже зовут Питер, но я на него совсем не похож.

Питер Пэн живѣт в сказке. Питер Пэн — наивный мальчик, который ходит в изумрудно-зелѣном наряде, носит глупую шапочку с перьями и всегда улыбается. Почти всегда. А я хожу в самых обычных штанах, шапке и кроссовках и не улыбаюсь почти никогда. Такой у меня характер. Я живу в реальном мире. И здесь нет ни Динь-Динь, ни волшебной пылицы, ни весѣлых мальчишек, ни чудесных садов. Есть обычный лес и вот эта деревянная лошадка на палке.

Это Стелла. Она у меня с шести лет. Сейчас мне уже пятнадцать. Даже не верится.

Да, моей коже, костям, глазам, ногам и рукам пятнадцать, но вот сердцу, сердцу до сих пор где-то семь с половиной. В этом мы с ним похожи. Я и Питер Пэн.

Вам, наверное, кажется, что это обычная деревяшка, да? Палка с неказистой лошадиной головой. Понимаю. Папа выстрогал Стеллу из простого куска доски, так что она получилась как бы двухмерная: одно ухо вырезано за другим, а глаза нарисованы с обеих сторон спиртовыми чернилами.

Мне вообще-то хотелось настоящую лошадь, но что есть, то есть. А есть Стелла. Стелла, которую папа вырезал из доски у себя в гараже. И я очень даже доволен. Стелла меня всегда устраивала.

Правда, кататься на ней при всех мне уже как-то неловко. Оно и понятно. Куда приятнее смотреть, как по двору скачет споты-

кающийся семилетний малыш с ободранными коленками и усами от мороженого. Это вам не пятнадцатилетний прыщавый детина с длиннющими ногами.

Все эти взгляды. Это чувство внутри.

Поэтому я катаюсь на Стелле только в лесу, когда мы уезжаем за город, и иногда ещё в парке за домами, но это только рано-рано утром.

Странно, что все дети просто это принимают, принимают, что им нужно исчезнуть. И я, я тоже понимаю, что седлать Стеллу и на ней мчаться в магазин — полная глупость. Но кто это решил? Жизнь? Взрослые? Те, которые сами когда-то безропотно слезли со своих деревянных лошадок, вышли из леса, вытерли с лица мороженое и мало-помалу, незаметно перестали смеяться, мечтать и придумывать себе забавы, те, которые стали играть в компьютерный футбол и делать вид, что это и не игра вовсе, чтобы в их жизни вообще не осталось ни единого намёка на веселье. Кто это решает? Кто это решил? Когда они забыли всё это?

Когда забыли, каким прекрасным бывает осеннее утро, когда несёшься по лесу на верном скакуне, и день только-только начинается, но солнечные лучи уже пробиваются сквозь листву и причудливо танцуют у тебя на лице? Когда забыли звук собственного дыхания и переливчатые облачка пара, вырывающиеся изо рта на сентябрьской прохладе? Когда забыли, что никакой холод им не страшен? Они ведь и правда никогда-никогда не

